

Александр Торин

Криминальная Кошка

Copyright © 2002 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Никогда в жизни больше никому не буду обязан. Стоит только на долю секунды расслабиться, попросить о каком-нибудь чепуховом одолжении, как пошло-поехало, и не знаешь уже, как выкрутиться, с каждым витком непреодолимой спирали судьбы увязаешь все глубже и глубже. А ведь так просто можно было всего избежать...

Началось все, конечно же, из-за женщины. В прошлой жизни Марина была архитектором, а в нынешней делала вид, что ищет ошибки в компьютерных программах, разрабатываемых нашей уважаемой фирмой. Ах, эти длинные ресницы и наивно-бесстыдный взгляд, будь он неладен! Разве можно было отказать бывшей соотечественнице в скромной просьбе: пристроить посылочку родственникам в Россию...

«Посылочка» оказалась вместительным чемоданом, судя по весу, набитым золотыми слитками. Отступить было некуда, и, полистав телефонную книжку, я позвонил Юрке Садовскому, у которого вот уже несколько месяцев гостили престарелые родители. По агентурным данным, на следующей неделе загоревшие и ободрившиеся под Калифорнийским солнцем пенсионеры возвращались домой. Передачку старички, тем не менее, взять отказались, ссылаясь на категорическое превышение допустимого багажного веса.

«Да она маленькая, эта передачка!» – божился я, – «вот такая, примерно,» – и руки мои рисовали в воздухе нечто миниатюрное, напоминающее сложенный вдвое почтовый конверт. Я старался не вспоминать об увесистом чемоданище, стоял перед Юрой на коленях, клялся, что отвезу родителей в аэропорт, лично уплачу за перевес, и все-таки победил...

Понять всю глубину моего падения и степень проявленного нахальства смогут только те, у кого когда-нибудь гостили родственники. Родичи эти едут домой нагруженные под завязку, зачастую самыми экзотическими продуктами общества потребления. Дядюшка одного из моих друзей, например, умудрился провезти в самолете «Аэрофлота» портативный трактор, ныне обрабатывающий шесть соток на подмосковном дачном участке.

Самое обидное, что героизм мой не был оценен по заслугам. Всего через два дня после блестящей операции по пересылке чемоданчика в Россию, Марину после работы начал поджидать гражданин в черных очках, с золотой цепью на шее. Управлял этот гражданин ярко-зеленым BMW спортивной модели с душевным, выразительным номерным знаком «ВО КАК».

За все на этом свете рано или поздно приходится платить по счетам. Прошло месяца три, и Садовские-старшие, преодолевшие перелет на родину и связанную с ним радикальную перемену часовых поясов, решили послать сыну подарок на день рождения. В качестве дара выбрана была антикварная, хрустальная ваза Сталинской эпохи, олицетворяющая рог социалистического изобилия. Из вазы водопадом извергались овощи и фрукты цветного стекла, а на хрустальном пьедестале стояли сделанные из бронзы рабочий с серпом, колхозница с граблями, летчик с картой, танкисты в шлеме и пионеры с барабанами, горнами, и, почему-то, револьверами.

Доставка культового памятника эпохи в Америку лежала тяжким гнетом на моей совести. Старички были просто-таки уверены, что ваш покорный слуга обязан выполнить их волю. Быть может, последнюю волю, о чем мне недвусмысленно намекнула мама, разорившаяся ради такого случая на телефонный звонок в Америку – Садовские-старшие взяли ее на абордаж.

Об одолжении просить было некого, разве только Сережку, старинного моего приятеля. Было это нахальством в квадрате, потому как уезжал он в наши края работать, сроком на три года, а багажа мог взять с собой всего два чемодана. Но Сергей согласился, причем безропотно, чем вызвал у меня непродолжительные угрызения совести.

Несколько месяцев спустя, я взял отпуск и решил съездить на родину. Пришел отсроченный черед платить по счетам – это было заметно по алчному взгляду моего кредитора.

– Значит, в Москву в отпуск летишь, – глубокомысленно и издали начал Сергей.

– Да, уже несколько лет дома не был, – голос мой упал...

– Хорошее дело... Слушай, тут у меня просьба не очень стандартная, – приятель мой замаялся. – Не смог бы ты, когда полетишь обратно, захватить мою пантеру?

– Хрустальную? – Я сразу же вспомнил о зловредной вазе.

– Да нет... Она у меня аккуратная, ты не волнуйся.

– Нет, погоди, ты имеешь ввиду... Живую? – Мне стало не по себе.

– Багиру мою. Как к родной к ней привязался. Пойми ты, не мог же я сюда с кошкой лететь, меня бы даже в гостиницу не поселили. А вот теперь устроился, и морально готов...

– Ах, кошку. – Вздохнул я с облегчением. – Постой, да как же я кошку повезу? Животное ведь кормить надо... Она, наверняка, еще и гадит! – «Доигрался» – мне стало не по себе.

– Ты не переживай. Кошек и собак везут в специальном отсеке, в клетках.

Учти, на вывоз домашних животных требуется куча справок, о прививках там, и прочее, но ты не волнуйся, моя сестренка все уже приготовила. Ленка, помнишь ее?

– Кажется, да. – Ну, конечно... Когда-то я помогал Сережке переезжать на новую квартиру, где-то в Строгино. Лена тоже суетилась, перетаскивая бесчисленные свертки с домашней утварью, она, кажется, училась тогда на втором курсе. Грешен, вследствие отравления алкоголем, я с ней долго трепался, даже попытался соблазнить, но получил решительный отпор.

– Ну, вот и славно. Так что за кошечку не переживай: тебе ее привезут в аэропорт, а здесь я сразу же заберу. Годится?

– Договорились! – Возможность разорвать порочный круг взаимной обязанности была соблазнительна. «В конце концов, в Шереметьево сдам кошку в багаж, а здесь выдам Сергею на руки», – утешал я себя.

Отпуск подходил к концу. У меня уже голова шла кругом от встреч и воспоминаний, но дня за два до отлета, позвонила Лена, напомнив о грехах и обязанностях.

Мы встретились в метро. Лена совершенно не изменилась, за прошедшие годы она, пожалуй, даже слегка похорошела. Я уже почти что собрался сделать ей комплимент, но, вспомнив о бурном прошлом и ныне здравствующей кошке, сдержался...

Сестра и временная кошковладелица привезла толстую пачку ветеринарных справок и сообщила, что документы все собраны, но на провоз киски необходимо оформлять отдельную багажную квитанцию. Пришлось тащиться в представительство Аэрофлота, стоять в очереди, и минут через сорок предстать пред очами строгого вида дамы, вершительницы кошачьих судеб.

– Ваша кошечка? – начальница домашних животных вдумчиво перелистывала справки.

– Вроде, как моя, – я решил не уточнять деталей.

– И как же это вы собрались животное вывозить? – Раздраженно спросила дама.

– Что-нибудь не в порядке? – испугался я. – Все квитанции на месте, перевоз оплачен, прививки зарегистрированы.

– У вас, гражданин неполная иммунизация.

– А я здесь при чем? – опешил ваш покорный слуга. – С меня вообще никто никаких справок не требовал.

– По новым правилам, вы должны были принести форму Б-12 из районного ветеринарного диспансера, с печатью учреждения.

– Какую форму? И вообще, на меня, или на кошку? Я ничего не понял.

– С каких это пор в ветдиспансерах на людей справки выдают? Б-12, государственная форма на кошечку. Обращайтесь в диспансер по месту жительства, они все знают.

– А без формы... Никак нельзя?

– Никак.

– Ну пожалуйста, войдите в положение, я же завтра улетаю.

– Молодой человек, – дама поджала губы и посмотрела на меня с легкой неприязнью, перерастающей в ненависть. – Нас это не касается. Хотите транспортировать животное – несите форму. Иначе мы вашу кошечку не примем. Не положено, понимаете или нет? У нас новая инструкция. Не хотите везти – можете ее усыпить, в конце концов.

Через несколько минут Лена была поднята по тревоге. Остаться в стороне от ветеринарных хлопот все же не удалось: Лена исчезла часа на два, но после обеда вышла на телефонную связь.

– Вы только извините, – Лена запыхалась. – Вам, кажется, придется срочно подъехать в ветдиспансер. Такие дурацкие правила: справку выдают только по предъявлению авиабилета и паспорта пассажира с проставленной заграничной визой.

– Что за чушь собачья! – начал кипятиться я. – А если у меня еще визы нет, что же все в последний момент... Ну что поделать, объясняйте, куда приезжать... – Я устыдился собственного возмущения.

Как и много лет тому назад, ветеринарный диспансер скромно существовал в районе хрущевской застройки. Перемены, случившиеся за время моего отсутствия, казалось, совершенно не коснулись ни этого района, ни диспансера. Я готов был поклясться, что никогда и никуда не уезжал: вытертые плитки линолеума, стены с потеками масляной краски, люминесцентные лампы с перегоревшими стартерами и крылышками-отражателями, и регистратура с маленьким окошечком, пахнущая ветхой бумагой. Регистратура была до потолка забита пожелтевшими учетными карточками на Рексов, Тарзанов, Никодимов и Тимофеев, клыкастых и хвостатых, маленьких и больших, ныне здравствующих и давно уже покойных.

Регистратура была подозрительно пуста.

– Куда они все подевались, – Лена явно чувствовала себя неловко. – Двадцать минут назад здесь девочка в халатике сидела. – Эй! Есть кто-нибудь?

– Чего надоть? – Ишь ты, приперлись. Скоро уже домой пора! – В окошечке появилась весьма дряхлого возраста бабка со шваброй, на конце которой моталась неприглядного вида тряпка, подозрительно напоминавшая застиранные, когда-то розовые женские трусы гигантского размера.

– Нам бы на кошечку справку получить.

– Ничего не знаю. Вот книга записи на прием, без очереди справок не выписываем.

– Да как же так! – возмутилась Лена. – Я у вас была полчаса назад, от силы, мне девушка сказала, что это минутное дело и никакой записи не надо.

– Не знаю, и не спрашивай. Возмущаться-то, все вы охочи, чуть тронь, и вопите во всю глотку... Мое дело – маленькое.

– Форма нам нужна. Б-12. Для вот этой, – Я для наглядности просунул кошку в окошечко регистратуры. Животное занервничало и убедительно вцепилось когтями в рукав моего пальто.

– Мне все равно, хоть Б, хоть В, хоть тебе чертова дюжина, прости, Господи, спаситель наш! – Старуха перекрестилась. – Не по моей это части, и все тут.

– Слушай, бабуся, а начальство у тебя имеется?

– Куда оно денется. Начальство, оно всегда начальство, такая уж у него профессия. В нашей жизни завсегда начальство было.

– А главный... Ну, главный ветеринар, или кто он там у вас, принимает?

– Какой у него прием, извини Господи. Уехал он к дружкам. Срам, да и только. Опять в понедельник заболит, а во вторник пьяный придет. Вонючка от него – хоть ноги уноси!

– А заместитель? Может, позовешь кого?

– Отчего же не позвать. Позвать завсегда можно... – Бабуля исчезла, направившись куда-то внутрь диспансера, и вскоре в регистратуре появилась полная дама с маленькими глазками и обкусанным яблоком в пухлой руке.

– Вам кого, – врачиха недружелюбно посмотрела на меня и лениво откусила от яблока еще один краешек.

– Вы понимаете, кошечка... Она здоровенькая совсем, и прививки все есть. Вот копии... Я завтра уже улетаю, а они требуют форму Б-12. Посмотрите, пожалуйста.

– Даже и не просите, – у толстой тетеньки над верхней губой пробивались жесткие, рыжевато-оттенка усики. – Никому теперь ничего не выдаем. Они там обнаглели, правила меняют каждый день. Голова идет кругом! Животные циркулируют безо всякого надзора.

– Войдите в положение, пожалуйста, кошечка ведь без хозяев затоскует, она и так похудела вся из себя, кожа да кости. Живой скелет. – Я для убедительности потряс миниатюрной пантерой в воздухе. – А вы про какую-то форму.

– Мяу! – начала громко протестовать киса, попутно пытаюсь оцарапать обидчика.

– Все равно не дам! – отрезала дама. Главный подписывать должен, а он уехал. До вторника не вернется. А то, и до среды. И печать при нем.

– Очень вас прошу, – я подмигнул Лене и начал последнюю и решительную атаку. – Понимаете, – шепотом произнес я. – Я завтра улетаю в Америку. Ну, словом, для нас эта киска очень. Очень, даже безмерно дорога. Мы бы, как вам сказать, пошли бы на многое, только бы ее увезти. Просто ситуация такая, безвыходная... Может быть, найдется все-таки какое-нибудь решение?

При упоминании Америки, по уверениям знакомых, падали почти все барьеры. Расходы, правда, при этом возрастали во много раз.

– Да я бы всей душой посодествовала... – голос дамы стремительно приобрел ласковые интонации. – Ну поверьте, ничего не могу поделать, печать у главного в сейфе, а без нее справка недействительна... И угораздило же его уехать так некстати...

– Что же нам делать? Вы знаете, тут такое дело, может быть, главного удастся разыскать? Я бы подъехал, или подвез его в диспансер за свой счет...

– Какой там, – заместительница тяжело вздохнула. – Попробуй его теперь сыщи. Даже и не пытайтесь.

– А скажите, а в другом диспансере можно такую справку получить? Мы бы очень благодарны были за информацию, ну, вы понимаете...

– У них вначале зарегистрироваться надо, – врачиха потеряла к нам интерес и раздраженно откусила от яблока большой кусок. – Вообще-то, справки выдаются только по месту жительства.

– Пошли, – Лена махнула рукой. – Нам здесь делать больше нечего. Останется Багирка у меня. Может, оно и к лучшему, я к ней уже привязалась. Вы знаете, какая она аккуратная? Когда садится – лапки рядом ставит, хвостик поджимает... А Сережке объясните все, как есть. Ничего страшного, приедет в отпуск, глядишь, и заберет ее. Кошки ведь долго живут, а нашей еще четырех лет не исполнилось.

Мы вышли на улицу.

– Да, неудачно как-то все получилось... – я посмотрел на свою спутницу, прижимавшую кошку к груди. Лена мне все больше нравилась.

– Вы извините, что приезжать пришлось. Если бы они мне сразу сказали, а то твердят как идиоты: паспорт, билет... Теперь еще автобуса ждать... – Пошел мокрый снег, и Лена закуталась в пальто, прижав к себе кошку.

– Лена, давайте поймаем машину. И вообще, слушайте, во-первых, переходим на ты, все-таки. Во-вторых, завезем пантеру вашу домой, напоим молоком и поужинаем где-нибудь. Ты сегодня вечером свободна?

– Кажется, да – улыбнулась Лена. – Только зачем так, последний вечер, завтра улетать. Может быть, дела какие-то остались.

– Чепуха, какие у меня дела. – Меня явно начало заносить. «Не хватало еще скоротечного романа за день до отлета...» – промелькнуло в сознании, но внутренний оппонент был мгновенно сбит с ног торжествующим, первобытным неандертальцем, сжимающим в волосатых лапах корявую дубину. «И что ты будешь делать, если она в тебя влюбится?» – настаивал поверженный здравый смысл, – «Останешься в Москве? Пропади пропадом работа, зарплата, придет разочарование, усталость, шестиметровая кухня и мысли о потерянных возможностях. Подумай, что...» – Голос задрожал, но двойник мой уже был изничтожен на корню.

Я взмахнул рукой, несколько машин проехали мимо, и тут что-то неприятно кольнуло в груди. Привороженный неловким жестом, к тротуару подкатил хорошо знакомый по заокеанской жизни джип «Чероки», светло-зеленого цвета. Судя по многочисленным анекдотам, прочитанным на Интернетe, и скудным сообщениям средств массовой информации, в таких машинах по Москве гоняли новые русские.

– Э-гх, – запнулся я, – растерянно смотря на Лену, словно ожидая от нее решения, садиться нам в эту машину, или нет... Тем временем, дверное стекло бесшумно отъехало вниз.

– Куда едем? – осведомился стриженный ежиком гражданин в клетчатом пиджаке, белоснежной рубашке с запонками и вполне приличном галстуке. Гражданин этот обладал всеми неотъемлемыми атрибутами наемного убийцы: лоб у него был низко посажен, нос сплюснен, будто у боксера, а на пальцах, толстых, поросших черненькими волосиками, с неправдоподобно широкими ногтями, сверкали кольца. Перстни эти меня заворожили: один из них был золотым, невероятной толщины, казалось, что владельцу он должен был изрядно мешать. Другой содержал крупный камень неопределенного цвета в оправе из мелких бриллиантов.

– Извините, – я почувствовал себя неуютно. – Мы передумали...

– Да чего вы, брезгуете что ли? Мне еще только всяких шибздиков подбирать? Короче, едем или нет?

– А дорого возьмешь?

– Ну, двадцать баксов кинете? – водила пристально посмотрел на мое дешевое, сделанное в Китае пальто, купленное в американском оптовом магазине, и брезгливо поморщился.

– В центр. Поехали, – Я бесстрашно открыл дверь и пропустил Лену с кошкой вперед. В импульсивном решении моем основную роль сыграло слово «шибдзик», до боли родное со времен школьной скамьи. Еще успокоили меня тягучие, деревенские, рассудительные интонации водилы, напомнившие стародавнюю студенческую практику в Рязанской области.

– Вот это разговор, – браток в пиджаке ткнул безмянным пальцем кнопку, и дверное стекло закрылось. – Люблю вот таких, решительных, – он неопределенно махнул рукой не-то в мою сторону, не-то в сторону Лены. – Нормальных маловато осталось. Не доверяют. Боятся чего-то. Ну чего тут бояться? Вот вы, например, мне сразу понравились, еще на обочине. Люди скромные, положительные, сразу видно. С животным, к тому же, такие вы ... кобениваться не станут. Я ведь так, запросто, не останавливаюсь, мало ли кто попасться может.

– А... – удивился я. – А что, разве у вас... В смысле, с вами бывают проблемы?

– А ты чего думаешь? Такие клиенты порой встречаются, не поверишь. До сих пор, как вспомню, в землю их зарыть хочется. Сдерживаешь себя, из последних сил. Я же человек миролюбивый, нет, по мне так сразу не скажешь, но это-факт. А бывает, что и сорвешься.

– Хмм, – согласился я, почувствовав легкую тревогу.

– Экая кошечка у вас, ухоженная. Как ее зовут-то?

– Багирой.

– Хорошее имя. И вот ведь какое совпадение, у меня дома сучка живет. Породистая. Придешь домой вечером, а она радуется, руки лижет. Приятно... А то за день так намучаешься. Раз на раз ведь не приходится.

– М-да... – Я решил промолчать.

– Чего это вы неразговорчивые такие? – мужик пожал плечами. – Или случилось чего?

– Да вот, киску нашу за границу не выпускают, – неохотно вступила в разговор Лена.

– За границей хорошо, – рассудительно согласился водитель, – если, конечно, бабки имеются. Я в прошлом году на одну работенку съездил, пришлось по миру поколесить, пока дурика этого достали, зато оттянулся по полной программе... А чего же это ее не выпускают, разве кому животное помешало?

– Нам уезжать завтра, в командировку, – Я начал подмигивать Лене. – А кошечке справку в диспансере не дают.

– Ну что за люди такие, – Водитель наш поморщился. – Неужели им киску за границу выпустить жалко? Звери, что ли?

– Печати всякие нужны, квитанции от ветеринара. А главный врач уехал, – наябедничала Лена.

– Сволочь он, значит порядочная, – огрызнулся водитель. – А вообще-то я ценю, когда к животному хорошее отношение имеется. Я же людей вижу. Вот ты, – браток обращался к Лене, – баба добрая, жалостливая. И мужик твой ничего, звезд с неба не хватает, потертый маленько, но тоже душевный.

– Кхмм, – кашлянул я, поймав смеющийся взгляд Лены.

– Точно тебе говорю, душевный. Кто еще с бабой и с животным по госпиталям шляться станет. А эти, в больнице... Говно! – рулевой начал заводиться. – Вот я, к примеру, если поеду куда, что, сучку свою бросить должен буду? Чтобы она на свалке с голодухи подохла, или на живодерню пошла? Тварюги. Я им мозги на место вправлю, не сопереживайте!

– Спасибо, да нет, неважно, мы все равно уже опоздали. – Праведный пыл шофера напугал меня. – Не волнуйтесь, ничего с кошечкой не случится.

– Нет, ежели я завелся, так это окончательно. – Водила резко крутанул баранку. Джип с визгом развернулся, на мокром снегу его занесло, встречные машины испуганно прижались к тротуару. Кошка вздрогнула, и начала хриплым голосом орать, предчувствуя недоброе.

– Точно, вы аккуратно здесь и влезли, между остановкой и парикмахерской. А ну, колитесь, где эта ваша кошачья лечебница?

– Во дворе. Видите, такая вывеска, справа над подъездом. Но вы зря, честное слово. Не стоит...

– Щас я с ними разберусь. Нет, ну надо же, чтобы над животными так измываться... – Водитель наш порывисто вылез из джипа, и мне показалось, что пиджак на нем оттопыривается.

– Может удерем, пока не поздно? – нерешительно спросила Лена.

– Поздно, – вздохнул я. – Только бы он никого в диспансере не перестрелял...

В машине стало тихо, даже кошка перестала вылизываться, и замерла в тревожном ожидании, как египетский сфинкс.

Бритый товарищ появился через несколько минут. Физиономия у него была предовольнейшая.

– Вот ваша справочка, – небрежно сунул он Лене размокший под снегом листок с заветным фиолетовым штампом. – Впишете ваши данные, печать и подпись на месте – это главное. Так что езжайте с вашей киской куда хотите.

– Да как же вам удалось. Нет, это мистика какая-то. Что вы им сказали? Главный ведь уехал, печать в сейфе...

– Про сучку свою объяснил. А сейф... Какой сейф, в натуре. Это сундук бабкин, а не сейф.

– Вам наверняка пришлось им заплатить?

– Ух... – гангстер начал смеяться, причем смеялся он от души. – Ну вы и прикольные ребята, е-мое!

– Спасибо вам огромное... Нет, все-таки, скажите сколько – мы обязательно возместим...

– Ой, насмешили – водитель наш начал хохотать. – Нет, ну вы даете, ей-богу. Да вы думаете, они в этом диспансере бедствуют, что ли? Тут такие денежки текут, что я к ним каждый квартал наведываться буду, а то зажирили больно... А я вот смотрю на вас и удивляюсь, не встретили бы меня, так бы и подохла животная. Где слезать будете? Здесь годится?

Боже всемогущий, Тверской бульвар, сколько связано с ним, как пахли прелые листья, а вот там, под этим деревом лет двадцать назад я целовался...

– Годится. – Я протянул водителю купюру.

– Нет, с вас не возьму. Все-таки у меня глаз наметанный – сто очков вперед. Я же сразу сказал – люди бестолковые, но душевные. Вот с такими, – лицо его стало мечтательным, – родина не пропадет. Это я точно вам говорю. От самого сердца. Как это в школе учили? Как сейчас помню: Выдержит все, и широкую проложит... Там, эту, светлую, грудь, дорогу.

С тех пор я почти полюбил новых русских, тем более что вечер с Леной случился самого что ни на есть приятного, с далеко идущими последствиями свойства. Вначале мы ужинали, потом пили кофе с коньяком, и все это время болтали без перерыва. Так что когда Багира была мне выдана на руки, и за Леной никак не закрывалась входная дверь, я понял, что расставаться, а тем более уезжать ни мне, ни Лене совершенно не хочется. Тут, против взаимной воли случился прощальный поцелуй, переросший в какой-то не вполне прощальный, и дверь испуганно захлопнулась.

Ну что же, оно и к лучшему. Не хватало еще романов накануне отлета. Человек обычно не в силах изменить судьбу, и, когда самолет оторвался от земли, я проглотил начинающий набухать горечью комок в горле и попросил у стюардессы примиряющего с действительностью коньяка...

Даже сидя в относительно комфортабельном кресле, и наслаждаясь преждевременно увядшим цыпленком, вернее, четвертью его бывшей ляжки, и бокалом вина, начинаешь недолюбливать межатлантические перелеты. Чего уж тут говорить о кошечке: ей, бедняге, запертой в грузовом отсеке, было от чего свихнуться. Получив багаж, я не нашел в себе душевных сил рассердиться на несчастный комок нервов с выпученными наружу глазами, орущий на международном кошачьем эсперанто, и более всего ненавидящий меня – ее главного обидчика, жуткого гиганта небритого вида на двух нелепых конечностях, пахнущего алкоголем, забравшего ее от любимой хозяйки и подвергшего столь ужасным испытаниям.

– Спокойствие, только спокойствие, – бормотал я, пройдя таможню и выйдя из здания аэропорта на цементную эстакаду. Счастливый кошковладелец поблизости упорно не наблюдался, эстакада сотрясалась при приближении любого проезжающего мимо средства транспорта, и Багира, получившая печать в иммиграционных бумагах, от колебаний почвы и жары окончательно впала в истерику. Надо ли упоминать о том, что добравшись домой, я был зол и сразу же бросился звонить Сергею.

– Слушай, – Сергей был возбужден. – Ты извини, что я тебя встретить не смог. Забегался. Фигня какая-то, кошку-то мою, оказывается, прописывать надо.

– В каком смысле, прописывать? – Изумился я.

– Ну, оформлять. Прививки, и все прочее. А все документы, билеты, медицинские справки, выписаны на твое имя.

– Ну и что?

– Менеджер квартирного комплекса уперся, как осел. По правилам, я Багиру не могу у себя держать, официально не оформив бумаг на передачу владения.

– Да что они, с ума все сошли, что ли? Это же твоя кошка.

– Говорят, что надо все заверить в агентстве.

– В каком еще агентстве?

– У них здесь, оказывается, есть специальная служба по домашним животным. Ты только не волнуйся, день-другой, и я Багиру заберу. – В трубке раздались гудки.

– Попали мы с тобой в переплет, – сочувственно посмотрел я на свою непрошеную гостью, забившуюся под диван. – Придется тебе лакать молоко из пакета, сидеть на синтетическом ковре, и впиваться в него когтями при каждом мало-мальски существенном землетрясении.

Гнет ответственности лежал пудовым грузом на моей душе. Пришлось поехать ночью в магазин, купить бутылку обезжиренного молока и еще консервы для кошек «Виски», напоминавшие мне о почти что одноименном спиртном напитке. Ваша киска полюбит Виски... Багира консервы не любила, она осторожно понюхала открытую консервную банку, брезгливо фыркнула и с оскорблением зарылась в глубину диванных подушек.

И что же мне оставалось делать? Налить с утра молоко в фарфоровую тарелку, и, аккуратно закрыв за собой входную дверь, отправиться на службу.

После любого, даже самого непродолжительного отпуска, цивилизованный человек неизбежно погибает под горой корреспонденции, неоплаченных счетов, тысяч сообщений, пришедших к нему по электронной почте, десятков меморандумов, найденных на своем рабочем месте. Работать в этот день я так и не начал: бегал из одного кабинета в другой, брезгливо стирал сообщения в постоянно отказывающей компьютерной системе, выкидывал бесконечные конверты в мусорную корзину...

Когда я, наконец, добрался домой, Багира была измождена. Она томным взглядом посмотрела мне прямо в душу, и принялась вылизывать свои интимные места. Эта нескромная демонстрация чистоплотности и общей благопристойности не смогла убедить меня в невинности существа, разбившего тарелку и оставившего на ковре мутную, начинающую подсыхать лужицу молока.

– Ну, и кто это напакостил? – Возмутился я.

– Мурр, – кошка грациозно потерлась мне о ноги, и сердце мое растаяло. Что ни говори, существуют еще в этом мире любовь и единение душ...

Проснулся я часа в два ночи, неожиданно сильно расчихавшись. Лунный свет пробивался сквозь наполовину прикрытые пластиковые шторы, шумели деревья за окном, и время от времени что-то громыхало, будто перекатывалась по асфальту пустая консервная банка. Багира, свернувшись комком, лежала рядом со мной и спала, время от времени вытягивая лапы и приподнимая хвост. Кончик этого самого хвоста все время норовил попасть мне в нос и вызывал все новые спазматические порывы неумеренного чиха.

– Киса, – расчувствовался я, погладил Багиру по спине, перевернулся на другой бок, и неожиданно понял, что мне пора жениться, или, хотя бы, заводить постоянную любовницу. Сладкие грезы, снилась мне Лена, потом отказавшая во взаимности сероглазая Марина, и только собрался я признаться всем им в симпатии, как появилась зам. главврача из районного диспансера с обкусанным яблоком, и начала жужжать, как испорченный трансформатор. Яблоко у нее во рту почернело, раскрошилось.

Проснулся я с головной болью. В коридоре надрывался звонок.

– Кого черт несет в такую рань, – я накинул халат и осторожно приоткрыл входную дверь. В коридоре стоял сосед: сухощавый мужчина лет пятидесяти в тщательно выглаженных штанах и в рубашке с короткими рукавами.

– Извините за беспокойство, – сосед неодобрительно уставился на мой халат, покрытый пятнами кофе и в нескольких местах прожженный сигаретами.

– Конечно, никаких проблем, – я сделал неуверенную попытку запахнуть халат, и одновременно проснуться.

– Жильцы нашего дома обеспокоены.

– Чем? – Я невинно уставился своему посетителю в глаза. – Я ничем не обеспокоен, хотя тоже живу в этом доме.

– Видите ли, никогда не знаешь, чего ожидать от ближнего своего.

– Аминь... – Шутка явно была явно излишней, так как посетитель мой насторожился и надул щеки.

– Мы должны проявлять бдительность. Каждый гражданин Америки. Вы согласны?

– Извините, во-первых, я еще пока не гражданин, а во-вторых, скажите, что-нибудь случилось?

– Каждый день в новостях... – забормотал сосед. – Жил себе человек, отличный семьянин, хороший работник, а вечерами убивал девушек. Или вот еще, слышали, на прошлой неделе вице-президент строительной фирмы задушил троих, а четвертую изнасиловал пять раз подряд...

– Вам что-нибудь подписать? Петицию, например, в защиту девушек. Или, вы собираете деньги? На борьбу с преступностью?

– Супруга очень обеспокоена. Только вчера в новостях передавали, что в нашем квартале завелся кошачий убийца – ходит с пилой для стрижки кустов и живьем расчленяет кошек. Нет, поймите, я вас ни в чем не подозреваю, но вчера из вашей квартиры раздавались жуткие кошачьи вопли. Я склонен согласиться с женой в том, что в нормальном состоянии ни одно животное так кричать не будет. Вы ее мучаете? Признайтесь, вы – вивисектор?

– Бог с Вами, о чем вы говорите... Просто я привез кошку из России, это даже не моя кошка, моего знакомого. Кстати, посмотрите – я махнул рукой в сторону открытых кошачьих консервов и разбитой тарелки с молоком. – Кормлю, вчера в магазин специально ездил. «Чего это я оправдываюсь перед этим чайником,» – мне стало противно.

– Так это не ваша кошка?

– Мы пока оформляем документы, день-другой, и все образуется. А животное просто привыкает к новой обстановке, смена часовых поясов... Орет, конечно. Вот увидите, все стихнет.

– Стихнет? – сосед подозрительно посмотрел на меня. – Животное не может все время молчать. Хмм... Во избежание недоразумений, мне бы хотелось удостовериться, что на кошке нет никаких следов телесных повреждений.

– Ну, знаете, это уже слишком! – Я поборол импульсивное желание дать этому идиоту кулаком в нос. – Впрочем, пожалуйста, она еще спит. – Тонкая пленка цивилизации победила. И правда, Багира бесстыдно раскинулась на одеяле...

– Вы... – Посетитель мой закашлялся... – Вы спите... С кошкой? В одной постели?

– Да она сама пришла, – смутился я. – Я всю ночь чихал.

– Извращенец! Отвратительный... – Сосед побагровел от возмущения. – Нам не о чем больше разговаривать!

– Эй, мистер, это уже слишком. Что вы себе позволяете? – Но посетителя моего и след простыл...

– Край непуганных идиотов, – выругался я. – Это же надо. Один дегенерат разрезает кошек пилой, другой вообще какой-то сексуальный маньяк.

– Мяу, – это Багира преодолела, кажется, смену часовых поясов и с интересом понюхала остатки кошачьих консервов.

– Вот тебе, – я достал из холодильника пакет молока. – И запомни, если ты будешь сегодня орать, если посмеешь еще раз разлить молоко! Я... Шкуру с тебя спущу, – почему-то шепотом пообещал я, оглянувшись по сторонам. К счастью, соседи мои не понимали русского языка.

С тяжелым сердцем запер я свою квартиру, и, спускаясь по лестнице, постоял на ступеньках минут пять, прислушиваясь к происходящему за входной дверью. Все было тихо, и, успокоившись, я поехал на работу.

Судьба настигла меня в начале двенадцатого, когда зазвонил телефон.

– Алло, – чертыхнулся я, оторвавшись от экрана компьютера.

– Мистер, – дальше следовала моя фамилия, как всегда до неузнаваемости искаженная.

– Да, – тяжело вздохнул я, предчувствуя, что мне собираются что-нибудь продать.

– Мы звоним из агентства по защите домашних животных. Согласно нашим сведениям, вы – владелец кошки, кличка Багира, серо-белой масти, недавно ввезенной в Соединенные Штаты Америки.

– Совершенно верно, – я судорожно соображал, что мне делать дальше, и решил, что буду говорить правду, правду и ничего, кроме правды.

– Мы бы хотели предупредить вас о том, что неосмотрительное обращение с животным влечет за собой уголовную ответственность согласно законам штата Калифорния.

– Да в чем, собственно, дело? – насторожился я.

– К нам поступила информация. Из вашей квартиры целый день раздается громкое мяуканье.

– Послушайте, ну и что с того? Я только два дня назад привез свою кошку из Москвы, которая в России, а не во Флориде. У животного десинхроноз, смена обстановки. Я же не могу отвечать за перепады кошачьего настроения.

– Тем не менее, мистер, в обстановке любви и заботы, животные никогда не издают надрывных воплей, да еще несколько часов подряд. Возможно, вы не позаботились о питании. Вы в курсе того, что домашние кошки любят разнообразную диету: консервы, печенье, свежее молоко, рыбу.

– Да, я купил несколько банок с консервами, но кошка от них отказалась.

– Этого не может быть! – моя собеседница прониклась праведным негодованием. – Вы ничего не перепутали? Может быть, вы купили собачьи консервы?

– Да какой там... – Дамочка на другом конце телефонной линии начала меня раздражать. – Послушайте, не обращайте внимания на всяких идиотов...

– На вашем месте, я бы не стала называть обеспокоенных и ответственных граждан идиотами. Это характеризует вас не лучшим образом. Мистер, я бы хотела вас предупредить... Вас подозревают в истязании домашнего животного. Вивисекция, сексуальные извращения – серьезные обвинения, имейте это в виду! Вас могут ожидать крупные неприятности. Вы потеряете работу, и можете даже оказаться в федеральной тюрьме!

– Всего доброго, пожалуйста, мне больше не звоните! – Я в ярости бросил трубку. И, как выяснилось, сделал большую ошибку, потому что через пару часов ко мне прибежала перепуганная до смерти секретарша.

– К вам... – она задыхалась и от ужаса вставляла в разговор испанские слова. – Санта Мария! Полиция.

И действительно, в холле меня ожидал страж порядка с внушительной кобурой и незадействованными пока наручниками, нацепленными на пояс. Полицейский был здоровенным, начинающим лысеть верзилкой с маловыразительной физиономией.

– Ваши водительские права... Подпишитесь, – страж порядка извлек толстую пачку разноцветных бумаг. – Фиолетовая копия – ваша, желтая – пойдет в муниципалитет, розовая – в

комиссию по защите животных, зеленая – в окружной суд. Вы имеете право нанять адвоката. Вы заподозрены в нарушении статьи пятьдесят два, подпункт три, свода законов штата Калифорния.

– Я ничего не понимаю, и ничего не буду подписывать.

– Ваше право, но я бы не советовал оказывать сопротивление властям. Это ничего не изменит.

– Да что произошло, в конце концов!

– Подпишите вот здесь: «Вы уведомлены в том, что ваша квартира была вскрыта представителями общества охраны животных», и вот здесь: «Ваша кошка конфискована тем же обществом и временно, до выяснения определенных обстоятельств, определена в питомник».

– Я... Почему? Квартира? Какое вы имеете право?

– Вы можете обжаловать решение в суде. Распишитесь вот здесь.

– Да что происходит, в конце концов!

– Это извещение о том, что на вас заведено дело в министерстве правосудия по подозрению в истязательстве домашних животных.

– Ах, вот оно что! – Желчь ударила мне в голову. – Это трогательно. Я сижу на работе и истязую животное! Да что, вы все, рехнулись, что ли? Это вообще не моя кошка!

– Я просто выполняю свою работу, мистер. Существует установленный порядок. Вначале надо завести дело. Счет за содержание и транспортировку кошки в питомник вам пришлют по почте в течение двух недель. Вы выбираете маленькую клетку, среднюю или большую?

– Я выбираю? Клетку? – Нет, мне это все снится? – Я недовольно ущипнул себя за руку.

– Маленькая клетка для кошки, пожалуй, будет маловата, она годится для хомячков, стоимость семнадцать девяносто девять в сутки плюс федеральный налог. Я бы вам посоветовал выбрать большую клетку, тридцать пять девяносто девять за день. В таких случаях судья положительно оценивает щедрость, проявленную подсудимым.

– Я не хочу быть подсудимым! – Пространство потеряло устойчивость. – Я люблю животных, никогда их не обижал, я купил кошке консервы и молоко. Я не знаю, что еще ...

– Я все понимаю, мистер, – полицейский зевнул. – Поверьте, мне эта работа не доставляет удовольствия. Но порядок есть порядок. На вас поступила жалоба жильцов, подкрепленная свидетельством общества охраны животных. И вы находитесь под подозрением. А мы обязаны завести на вас дело. Через две-три недели вам пришлют письмо из министерства правосудия, вы будете занесены в базу данных потенциальных нарушителей прав животных. Распишитесь...

Попал я в переplet, нечего сказать. И пропал бы окончательно, если бы не Скотт Аделис-младший. Аделисы все без исключения происходили откуда-то с Сицилии, но это было давно: Аделисы-прадедущка, дедушка и Аделис-старший были знамениты в округе своими макаронными изделиями. В семье не без урода: Скотт-младший презрел фирменные спагетти, пошел учиться в университет и теперь работал в соседнем «кубике».

– Хмм... – Скотт проводил получившего бесчисленные подписи полицейского скептическим взглядом. – Они что, каждого съездившего в Россию по возвращении допрашивают с пристрастием? Или ты уличен в контрабанде наркотиков?

– Все гораздо хуже, – махнул я рукой. – Я – вивисектор. Ты любишь кошек, Скотт?

– Ненавижу, – признался мой собеседник.

– Тогда слушай, – и я наябедничал на соседей, общество охраны животных и местную полицию.

– Боже всемогущий! – Скотт недоверчиво посмотрел на меня. – Это правда?

– Клянусь всеми святыми и религиями... Правда, чистая правда, и ничего, кроме.

– Мдаа... – приятель мой озабоченно потер лоб. – Это дело требует серьезной проработки.

– Да какая тут еще может быть проработка... Влип я, и все тут.

– На спор, – в глазах Скотта мелькнула хулиганская искорка. – Если я тебя в течение 24 часов полностью, и безо всяких последствий вытаскиваю из этой истории, ставишь мне выпивку в баре в неограниченном количестве. Если я проигрываю, ставлю тебе. Идет?

– Идет, идет, – спор этот показался мне идиотским, ставки смешными, к тому же у меня были все шансы выиграть пари.

Без Багиры дома было пусто. Стояла недопитая тарелка с молоком, и лежала зелененькая бумажка, извещавшая меня о том, что в квартире моей побывали непрошенные гости, а сделано это по запросу полиции и при согласовании с администрацией дома. Я уже собрался снять трубку, чтобы известить Сергея об экспроприации его любимицы, как телефон сам разразился звонком.

– Привет, – это звонил Скотт. – Кажется, ты в проигрыше. Выходи на улицу, я в двух кварталах от тебя, едем в питомник забирать твою кошку.

– Да как... Что?

– Объяснения потом. Одевайся скорее, я уже на соседней улице.

– Итак, – Скотт сладострастно обнимал руль. – Акт первый: питомник для обездоленных зверушек...

В питомнике нас ждала пожилая женщина с недовольным лицом. Я бы такой ни за что не доверил охрану любых животных.

– Обрати внимание на сервис: кошечка твоя накормлена и заранее заготовлена для передачи законному владельцу, – не унимался Скотт. Происходящее его явно забавляло.

Клетка с Багирой была открыта безо всяких формальностей, и кошка выдана мне на руки. По-моему, Багире на все происходящее было совершенным образом наплевать: она невозмутимо вылизывалась.

– Акт второй. Полиция, – Скотт засунул руку куда-то под сиденье, и на меня ворохом посыпались разноцветные квитанции. – Твоя подпись? Узнаешь?

– Узнаю, – угрюмо буркнул я.

– Так вот, ничего не было, запомни. В участке и следа твоего дела не осталось. И не вздумай соваться, да узнавать, что к чему.

– Да как тебе все это удалось?

– Секрет фирмы, – Скотт усмехнулся.

– Ну все-таки, это же мистика, у тебя что, дядя – самый главный полицейский?

– Только между нами. – Спаситель мой нахмурил брови и приложил палец к губам. – Запутанные и осложненные обстоятельствами семейные связи. Взаимные одолжения. Дележ доходов между ответственными чиновниками. Средства на предвыборную кампанию, да мало ли... А теперь – занавес, едем в бар. Почему я не слышу аплодисментов?

– Слушай, эта кошка притягивает к себе мафиозные структуры и криминальные элементы России и Америки. Давай вначале сплавим ее хозяину, а потом уже напьемся, а то у меня какое-то суеверное чувство. Здесь недалеко, минут пять ехать...

Скотт остался ждать меня в машине, а я бегом поднялся по лестнице, предвкушая момент, когда, наконец, избавлюсь от своей спутницы.

– Привет, – Серега широко улыбался, совершенно не подозревая, что мне пришлось пережить из-за его любимой кошечки. – Багирочка, красавица ты моя! Какая ты пушистая стала...

– Делай, что хочешь, но забирай свою бандитку... – Я решительно сунул кошку на руки старому знакомому.

– Эээ, – Сергей смущенно отвел глаза в сторону, и протянул Багиру мне. – Слушай, ты извини, так получилось... Я как раз собирался тебе позвонить. Я ведь завтра улетаю в командировку на месяц, у нас в Таиланде линия сломалась, все инженеры на ухах стоят. Так неудачно вышло... И еще, ты уж извини, что я сразу все на тебя вываливаю.

– Ну, что еще – в груди у меня похолодело.

– Да Ленка звонила, она как раз через две недели в гости прилетает. Ты ее, конечно, встретишь в аэропорту? Она у меня поживет, я ключи оставлю. А Багира пусть побудет у тебя до Ленкиного приезда, ладно? Может быть, повозишь Ленку немного, покажешь ей местные достопримечательности, не сидеть же ей одной. Выручи, будь другом. Я в долгу не останусь...

Пропал я, видит Бог. И не только из-за кошечки. Кстати, как она там, в автомобильном салоне? Наверняка, рвет сиденья когтями и надрывно орет. Еще вызовет какой-нибудь благонадежный прохожий полицию... Впрочем, наплевать, автомобиль принадлежит наследнику макаронного клана, а он все равно выйдет сухим из воды.

Ничем хорошим вся эта история не закончится. Сейчас, после третьей рюмки дорогого коньяка, это совершенно очевидно, несмотря на громкую музыку, и рассказывающего неприличный анекдот Скотта. Сердце начинает стучать: Лена приезжает всего через две недели. Я ведь всенепременно наделаю глупостей. Стоит только на долю секунды расслабиться, и пошло-поехало, и не знаешь уже, как выкрутиться, с каждым витком непреодолимой спирали судьбы увязаешь все глубже и глубже. Где-то роковое мгновение, когда можно было всего избежать... Хотя, если задуматься, все мы обязаны своим существованием таким вот безрассудным мгновениям. Быть может, именно они и делают нашу жизнь интересной и непредсказуемой?

.oOo.